

ДУНАЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1829 ГОДА.

Прежде, нежели приступлю къ описанію дунайской экспедиціи, позвольте мнѣ, благосклонный читатель, принести вамъ жалобу на моихъ товарищей, армейскихъ офицеровъ. Они не только не умѣютъ раскрашивать и выхвалять своихъ подвиговъ и заслугъ, но и совсѣмъ не любятъ говорить о нихъ. Въ этомъ случаѣ, они буквально слѣдуютъ ученію апостола: «совершайте дѣло вашего служенія *въ безмолвіи*». Кто повѣритъ, что небольшой отрядъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, занявшій въ 1829 году лѣвый берегъ Дуная, противъ Силистріи, надѣлалъ тамъ, за двѣ или три недѣли до обложенія крѣпости, столько чудесъ, что даже сами Турки ахнули отъ удивленія, а мы, служившіе въ той же арміи, ничего объ этомъ и не слышали. Удайся такія чудеса, хоть на примѣръ, Французамъ, и они навѣрное прокричали бы о нихъ, посредствомъ своихъ гравюръ и мемуаровъ, по всѣмъ пяти частямъ свѣта; а у насъ, сколько случается въ каждую войну такихъ чудныхъ, и, по истинѣ, невѣроятныхъ дѣлъ, и никто о нихъ не знаетъ, и всѣ молчатъ, какъ-будто Русскимъ написано уже на роду—вездѣ и всегда быть героями. Согласитесь, что такая скромность не стоить спасибо.

По моимъ армейскимъ правиламъ, я никого въ глаза хвалить не смѣю, потому-что никто въ похвалѣ моей нуждаться не можетъ; но, добывъ себѣ нечаяннымъ случаемъ драгоценные матеріалы о забытыхъ, или вѣрнѣе, мало-извѣстныхъ подвигахъ небольшого отряда на Дунаѣ въ 1829 году, я считалъ бы для себя величайшимъ грѣхомъ, еслибъ утаилъ ихъ отъ грамотныхъ людей. По этому, принимаясь за перо, я объявляю всѣмъ и каждому, что буду писать о подвигахъ прежнихъ моихъ товарищей, молчаливыхъ не только въ пылу сѣчи, но и черезъ-чуръ скромныхъ послѣ дѣла, на бивуакахъ, даже въ дружеской бесѣдѣ за манеркою молдавскаго вина,—со всею искренностію солдата, сочувствующаго съ юношескихъ лѣтъ славы и чести роднаго оружія. Если жъ мнѣ не удастся изобразить достойнымъ образомъ того чудеснаго героизма, до котораго возвысился нашъ солдатъ въ дунайской экспедиціи 1829 года, то вспомните слова Вильмена: «въ мірѣ болѣе славныхъ дѣлъ, нежели историковъ, умѣющихъ изобразить ихъ въ настоящемъ видѣ.» А я и не историкъ, а просто пушкаръ, посвятившій себя воспоминаніямъ о бывалыхъ битвахъ и о

Товарищахъ минувшихъ лѣтъ,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ...

До начала осадныхъ дѣйствій подъ Силистріею, въ 1829 году, необходимо было устроить благонадежное и удобное сообщеніе между правымъ берегомъ Дуная и мѣстечкомъ Каларашемъ, лежащимъ недалеко отъ лѣваго берега Дуная, въ шести или семи верстахъ ниже крѣпости; недостатокъ такого сообщенія былъ весьма-ощутителенъ послѣ снятія блокады Силистріи въ 1828 году. Но для этого не было другаго средства, какъ спустить къ мѣстечку Каларашу, по разнымъ выступившимъ изъ береговъ заливамъ и рѣчкамъ, плашкотный мостъ, построенный генерал-майоромъ Пхейзе въ деревнѣ Фундени, недалеко отъ устья рѣки Аржиса, которая вливается въ Дунай въ 75 верстахъ выше Силистріи, прямо противъ мѣстечка Туртукая. А какая была возможность спустить по теченію рѣки этотъ мостъ, когда двѣ непріятельскія флотиліи, силистрійская и рущукская, развѣзжали день-и-ночь по Дунаю и наблюдали оба берега пуще своего глаза? Въ этомъ-то и состояла вся трудность или, вѣрнѣе, невозможность предпріятія, которая, однакожъ, уничтожилась предъ самоотверженнымъ мужествомъ нашихъ героевъ.

Генерал-майоръ Шильдеръ, получивъ назначеніе завѣдывать осадными работами подъ Силистріею, прибылъ въ началѣ марта мѣсяца въ главную квартиру дѣйствующей арміи и, услышавъ тамъ о плашкотахъ, которые пропадали безъ всякаго употребленія въ селеніи Фундени, тотчасъ же вызвался на подвигъ отважный и геройскій—доставить эти плашкоты въ мѣстечко Каларашъ. Не правы тѣ, которые считаютъ подвигъ генерала Шильдера однимъ ударомъ на-удалую и будто-бы предпринятымъ безъ размышленія предварительнаго. Не говоря уже о томъ, что покойный фельдмаршалъ Забалканскій, только-что облекшійся властію главнокомандующаго, не могъ изъявить своего согласія на дѣло, которое, такъ-сказать, открывало его новое поприще, еслибъ это дѣло не было обдуманно и не предвидѣлось въ немъ успѣха, самъ генералъ Шильдеръ, инженеръ опытный и наблюдательный, не рѣшился бы броситься на такое важное, по своимъ послѣдствіямъ, предпріятіе, очертя голову.

Прежде всего должно было доложить начальнику штаба арміи, генерал-адъютанту барону Толю, о предположеніяхъ, на которыхъ основывался успѣхъ предпріятія, и потомъ уже генералъ Шильдеръ, по волѣ главнокомандующаго, получилъ отъ генерал-адъютанта Толя слѣдующія порученія:

1) Отправиться немедленно въ Бухарестъ, явиться тамъ къ командиру 2-го пѣхотнаго корпуса, генерал-адъютанту графу Палену 1-му, и спросить у него средства къ поправленію моста и къ доставленію его въ мѣстечко Каларашъ, тѣми способами, которые генералъ Шильдеръ, по обстоятельствамъ, признаетъ за лучшіе, съ замѣчаніемъ, что отъ немедленнаго и точнаго исполненія этого порученія можетъ зависеть удачное открытіе кампаніи.

2) Взять всѣ мѣры къ прекращенію сообщенія между крѣпостями Силистріей и Рущукомъ.

3) Стараться уничтожить флотилію силистрійскую, и, наконецъ,

4) приготовить всѣ нужные матеріалы къ предстоящей осадѣ Силистріи.

Генералъ Шильдеръ, получивъ такого рода порученія, началъ съ того, что отправился въ селеніе Фундени и осмотрѣлъ тамъ плашки, которые, для предохраненія отъ напора весенняго льда, всѣ были вытащены на берегъ. Онъ нашелъ ихъ въ самомъ жалкомъ состояніи: большая часть изъ нихъ построена была изъ сыраго льса, а у нѣкоторыхъ не доставало даже кницъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, ни одно судно не можетъ быть надежно. Дорожа временемъ пуще всего, генералъ приказалъ оставить на берегу для починки только наиболѣе-поврежденные плашки, а всѣ прочіе, осмоливъ и оконпативъ па-скорую-руку, спустить на воду. Распоряженіе это тотчасъ же и было исполнено. И какъ только менѣе-поврежденные плашки спустились съ берега и съ шумомъ разрезали знакомыя уже имъ струи Аржиса, пѣхотинцы ловко бросились вторично конопатить ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показывалась течь, какъ-будто по пословицѣ: «всякую бѣду на водѣ разведу».

Сдѣлавъ это первое распоряженіе, генералъ Шильдеръ отправился осматривать лѣвый берегъ Дуная отъ Аржиса до Бота, полагая, что выступившіе изъ береговъ, отъ вторичнаго небольшого разлива Дуная, заливы и рѣчки, позволятъ ему провести плашки внѣ круга дѣйствія непріятельскаго. Но, обозрѣвъ внимательно этотъ низменный берегъ Дуная съ его гирлами, онъ убѣдился, что исполненіе первоначальнаго его предположенія невозможно, потому-что заливы и рѣчки оказались до того мелкими, что въ иныхъ мѣстахъ вовсе не было воды. Послѣ этого, генералу Шильдеру не оставалось другаго средства къ доставленію моста въ Каларашъ, какъ плыть съ плашками по бурному и сердитому Дунаю, хотя это предпріятіе, при малѣйшей бдительности со стороны Турковъ, могло подвергнуть его большой опасности. Но, принявъ въ соображеніе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, спускъ моста былъ необходимъ для открытія кампаніи, генералъ Шильдеръ рѣшился спустить его по Дунаю, въ виду двухъ крѣпостей и двухъ непріятельскихъ флотилій, и тутъ-то обнаружилась вся исполнская сила его героизма. Вотъ планъ, который онъ начерталъ для начальныхъ дѣйствій.

Близъ устья Аржиса и Бота, на лѣвомъ берегу Дуная, устроить батареи и дѣйствіемъ изъ нихъ прекратить сообщеніе по рѣкѣ между Рушукомъ и Силпстріей. Когда же непріятель сосредоточитъ все свое вниманіе на эти батареи, тогда спустить остальные плашки на воду, и потомъ, когда уже они будутъ на водѣ, устроить на каждомъ плашкѣ, изъ мостоваго наката, фашинъ и мѣшковъ, родъ брустверовъ съ бойницами, для безопаснаго дѣйствія стрѣлковъ.

Къ каждому плашкѣ, для буксированія его, прицѣпить небольшой челнокъ, на который посадить одного Молдавана, въ качествѣ лоцмана, и при немъ двухъ или трехъ гребцовъ изъ пѣхотныхъ солдатъ.

Для прикрытія плашкотовъ, устроить паромы, каждый изъ двухъ лодокъ, прикрѣпивъ одну къ другой, и потомъ установить на эти паромы полевые орудія и ракетную батарею. Для прикрытія же стрѣлковъ и орудій, устроить на паромахъ родъ эполемента изъ мѣшковъ, набитыхъ шерстью.

Наконецъ, собрать всѣ малыя лодки и помѣстить на нихъ особыхъ застрѣльщиковъ, которые могли бы составить авангардъ и аррьергардъ.

первый для вступленія въ бой съ частию сплистрійской флотиліи, крейсировавшей ниже Туртукаля, а второй для отраженія рущукской, еслибъ она рѣшилась спуститься вслѣдъ за плашками.

Планъ этотъ представленъ былъ корпусному командиру графу Палену 1-му, который, своимъ воинскимъ дарованіемъ и необыкновеннымъ младнокровіемъ въ пылу битвы, стяжавъ знаменитость въ походахъ 1806 и 1807 годовъ и покрывъ себя славой въ войнѣ отечественной, заключилъ этотъ рядъ подвиговъ геройскихъ дѣлами блистательными въ походахъ 1813 и 1814 годовъ. Отдавая справедливость смѣлымъ предначертаніямъ генерала Шильдера, графъ Паленъ усомнился однако въ успѣхъ столь отважнаго предпріятія, но убѣдясь, въ-слѣдствіе личнаго объясненія съ генераломъ Шильдеромъ, что мостъ не можетъ быть доставленъ другими способами къ мѣсту его назначенія, согласился отрядить изъ своего корпуса два полка пѣхоты съ нѣсколькими орудіями, которые тотчасъ же и двинулись къ селенію Фундени, вовсе не подозревая, что для нихъ готовятся подвиги, славные и чудные, которыми позавидовали бы и самые герои древности.

Теперь посмотримъ, какъ приступилъ генералъ Шильдеръ къ исполненію своего отважнаго плана. Пока остальные плашки готовились къ спуску на воду, онъ обратилъ свою дѣятельность на укрѣпленіе лѣваго берега Дуная и въ короткое время придалъ ему такой грозный видъ, что Турки невольно сосредоточили все свое вниманіе на созерцаніи вновь-воздвигаемыхъ батарей. Небольшое укрѣпленіе, заложенное при устьѣ Аржиса, было окончено прежде другихъ. Для успѣха этого укрѣпленія, генералъ Шильдеръ вытребовалъ изъ Калараша 4 легкихъ орудія и 100 конгревовыхъ ракетъ съ двумя станками. Сверхъ-того, для устроенія брандеровъ и подводныхъ минъ, доставлено было въ селеніе Фундени 50 зажигательныхъ стеклянокъ съ бертолетовой солью.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ батарей, при истокахъ Аржиса, заложены были еще двѣ батареи на самомъ берегу Дуная: одна въ томъ мѣстѣ, гдѣ Дунай наиболее суживается, а другая противъ небольшого редута, выкопаннаго Турками близъ Туртукаля.

Какъ-только всѣ батареи были окончены, открыли съ нихъ успешный огонь и эти первые русскіе выстрѣлы на Дунаѣ въ 1829 году не обошлись непріятелю даромъ. Несчастная лодка, съ нѣсколькими Турками, показавшаяся въ это время на Дунаѣ, первая попалась подъ огонь новыхъ батарей; ядра и гранаты, какъ градъ, застучали по ея палубѣ, и черезъ пять минутъ лодка какъ-будто не бывало: она пошла на дно со всеми своими пассажирами.

Между-тѣмъ, успѣли починить кое-какъ и остальные плашки. Генералъ Шильдеръ тотчасъ же приказалъ спустить ихъ на воду и потомъ немедленно устроить на нихъ родъ брустверовъ съ бойщиками. Не прошло двухъ дней, какъ всѣ плашки облеклись въ боевую наружность и уже совсѣмъ готовы были пуститься на главное и отважное предпріятіе, для котораго они, сказать правду, никогда и не готовились. Но если судьба играетъ иногда съ людьми, вытаскивая ихъ изъ ничтожества на высшія ступени

славы и величія, то почему не подшутить ей надъ плашками, которые строились для моста и вдругъ превратились въ боевыя іолы.

Но вотъ насталъ славный и незабвенный день для нашихъ героевъ, день, въ который они приступили съ молитвой и вѣрою къ чудесному подвигу, открывавшему, такъ-сказать, кампанію 1829 года, а вмѣстѣ съ нею и высокое шоприще поваго главнокомандующаго. Да, этотъ подвигъ былъ первымъ подвигомъ воиновъ русскихъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ они поступили подлѣ главноначальствованіе покойнаго графа Забалканскаго.

Погода стояла чудесная. Солнце горѣло во всемъ блескѣ и великолично разнообразило свѣтъ и тѣнь на пестрыхъ баттареляхъ, усылпныхъ орудіяхъ, заряднымъ щипками и старыми бомбардирами въ сѣрыхъ шивеляхъ. Небо, ясное какъ взоръ влюбленной Зюлейки, невольпо радовало сердца пушкарей, а воздухъ, этотъ благоуханный чудесный воздухъ, который въ странахъ благословенныхъ дышетъ счастіемъ и пасильно располагаетъ жителей востока къ нѣгѣ и наслажденію въ прохладныхъ гармахъ, увивался, какъ мнѣ говорилъ, и около нашихъ усаечей, пока они не отуманили его густымъ облакомъ пушечнаго выстрѣла.

Небольшой отрядъ, предназначавшійся къ плаванію, расположенъ былъ на лощинѣ, разстилающейся около с. Фуплеви, близъ берега Аржиса. Пѣхотинцы, сложивъ ружья въ пирамиды, сидѣли, въ ожиданіи похода, кучками вокругъ огней, посматривалъ съ усмѣшкой на неуклюжіе плашкоты, которые причаливали уже къ берегу. Но скоро, перекрестясь, они разобрали ружья и въ стройномъ порядкѣ разошлись по рядамъ. Въ это время прискакалъ къ лощинѣ начальникъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса, генералъ Германъ, а вмѣстѣ съ нимъ и генерал-майоръ Яфимовичъ, командиръ отряда. По командѣ отряднаго командира, пѣсепники вышли впередъ, грянули удалую, и весь отрядъ двинулся къ берегу. Нельзя не сказать, что въ отрядѣ никто не зналъ обстоятельно о предстоящемъ предпріятіи; но все, сохраняя глубокое молчаніе, шли бодро и весело, полагаясь совершенно на мужество и благоразуміе своихъ начальниковъ. Когда же отрядъ подошелъ къ берегу, генералъ Шильдеръ вышелъ передъ фронтъ и съ свойственною ему геройскою восторженностію, объявилъ всемъ офицерамъ и солдатамъ, что имъ предстоитъ дѣло славное и никогда еще небывалое въ рядахъ нашей арміи.

— Ребята! говоритъ онъ имъ: мы пустимся на этихъ плашкотахъ вплзъ по Дунаю, проплывемъ 75 верстъ и разобьемъ турецкія флотиліи въ пухъ и прахъ!

Громкое «ура!» было достойнымъ отвѣтомъ на такое геройское привѣтствіе.

Тутъ же каждый начальникъ получилъ подробныя наставленія, какъ ему дѣйствовать въ случаяхъ какого-либо непредвидѣннаго обстоятельства, или при встрѣчѣ съ непріателемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время никакая человеческая предусмотрительность не въ состояніи была предвидѣть всѣхъ опасностей, которыя могли встрѣтиться нашимъ пловцамъ въ ихъ отчаянномъ плаваніи; однако, на всякій случай, генералъ Шильдеръ строго подтвердилъ начальникамъ плашкотовъ, чтобъ они, при непогодѣ или противномъ вѣтрѣ, который легко могъ отбросить ихъ къ непріятельскому берегу,

немедленно останавливались, собирались все въ одну кучу и причаливали къ лѣвому берегу, у котораго еще можно было бороться до послѣдней крайности и съ Турками и съ сердитымъ Дунаемъ. Наконецъ, разсчитавъ на каждый плашкотъ по 25-ти человекъ и размѣстивъ стрѣлковъ для авангарда и аррьергарда на особыя лодки, а артиллерію установивъ на паромы, все суда, по данному сигналу, отчалились разомъ отъ берега и пустились на произволъ грозной стихіи, направляясь по Аржису къ Дунаю. Громкія пѣсни раздались снова, и, казалось, самъ старикъ Дунай, свидѣтель славы и безславія столькохъ поколѣній, здѣсь воевавшихъ, удивился смѣлому плаванію нашихъ чудо-богатырей. Всегда бурный и ни на минуту не спокойный, онъ притихъ на это время, какъ-будто школьникъ, пойманный въ шалости. Жители Туртукая выскочили на берегъ и не вѣрили глазамъ своимъ, смотря на наши плашкоты, которые какъ-будто по волшебству вышли изъ воды и тянулись по Аржису длинною и черною полосой. Послѣ мы узнали, что туртукайскіе жители приняли наше плаваніе за намѣреніе устроить переправу близъ Туртукая, и такого рода донесеніе послали къ пашамъ, начальствовавшимъ въ крѣпостяхъ Силистріи и Русчукъ.

Но не долго оглашали воздухъ веселыя пѣсни; не долго наши воины, угрожаемые всеми родами смерти, красовались на палубахъ, стараясь сохранить спокойную и грозную осанку. Не прошло и получаса, какъ пѣсни замолкли и, вмѣсто ихъ, послышались дружные крики рабочихъ. Сначала плашкоты шли въ порядкѣ, одинъ за другимъ, но скоро, отъ неправильнаго маневра, быстрого теченія или удара вѣтра, нѣкоторые стали выходить изъ должнаго направленія и сажались на мель; другіе же, силою теченія, набѣгали на нихъ, смышались, сталкивались, трещали во всемъ своемъ составѣ и теряли конопать, отъ чего тотчасъ же открывалась течь. Тутъ начиналась работа: одни силились сдвинуть засвѣившій плашкотъ съ мели, другіе бросались заткнуть течь чѣмъ бы ни было; кто откачивалъ воду, кто укрѣплялъ фашинны на палубѣ. Все трудилось, чтобъ только не отстать отъ переднихъ плашкотовъ. Наконецъ, послѣ необыкновенныхъ усилій, наши витязи, едва за полночь, успѣли кое-какъ добраться до Дуная, проплывъ по Аржису не болѣе четырехъ или пяти верстъ. Здѣсь, у самыхъ истоковъ Аржиса и недалеко отъ знаменитыхъ развалинъ славныхъ батарей, память которыхъ священна для каждого Русскаго, потому-что они свидѣлствуютъ о первыхъ налетахъ великаго Суворова на Туртукай, Гирсовъ и Козлуджи, здѣсь плашкоты благополучно причалили къ берегу и остановились въ надлежащемъ порядкѣ, одинъ за другимъ.

Усталые солдаты, справивъ послѣднія поврежденія на своихъ плашкотахъ, предавались уже мечтаніямъ о сладкомъ снѣ подъ говоръ дунайской струи, какъ вдругъ, и совсѣмъ-неожиданно, набѣжали тучи, которыя, сгущаясь все болѣе и болѣе, разомъ поглотили и звѣзды, и мѣсяцъ, и небо, дожда чистое и ясное. Воздухъ, этотъ отрадный и благоуханный воздухъ, который еще утромъ дышалъ нѣгою и счастьемъ, сгустился теперь до того, что тяжело было перевести духъ, въ полномъ значеніи этого слова. Скоро засвистѣлъ и вѣтеръ. Дунай, какъ это обыкновенно съ нимъ бываетъ, обрадовался бурѣ, и, страшно взволновавшись, заходилъ огромными валами свинцоваго цвѣта, съ невыразимымъ шумомъ и ревомъ. Весь от-

рядъ вышелъ на палубы и работалъ на нихъ цѣлую ночь, чтобъ только удержать плашкоты у берега. Въ это же время показались на Дунаѣ и Турки, но, къ счастью генерала Шплера и его сподвижниковъ, эта часть неприятельской флотиліи ограничила свои дѣйствія только тѣмъ, что во всю ночь развѣзжала по Дунаю на своихъ легкихъ іолахъ, въ виду выбившагося изъ силъ небольшого нашего отряда, не смѣя приблизиться къ нему даже на ближій картечный выстрѣлъ. Сказать правду, эта первая ночь могла отбить охоту и у самыхъ отважныхъ на дальнѣйшее плаваніе; но наши герои не теряли надежды на успѣхъ предпріятія, уповавъ на Бога и надеясь на свое испытанное уже не разъ мужество.

Къ разсвѣту непогода стала мало-по-малу утихать. Солдаты прилегли у фашинъ, которыя установлены были на палубахъ стѣною, на подобіе бруствера, и скоро, подъ уютнымъ кровомъ этихъ фашинъ, уснули сномъ праведныхъ. Одни часовые расхаживали по палубамъ, громко окликая друга друга.

Какъ-только заря зарумянилась, генералъ Германъ, начальникъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса, первый обрадовалъ и оживилъ отрядъ веселымъ привѣтствіемъ. Всѣ вскочили на ноги и стали готовиться къ отплытію. Черезъ полчаса все было готово: плашкоты отчалили отъ берега, и передніе начали уже выходить изъ Аржиса. Эта минута была минутою самою рѣшительною для нашихъ пловцовъ: однажды отдавшись на произволъ бурнаго теченія Дуная, они не имѣли уже другаго средства къ спасенію отряда и плашкотовъ, какъ дойти непременно до устья рѣки Бота.

Надобно сказать, что туртукайскіе жители не спускали глазъ съ нашихъ плашкотовъ, вполне-увѣренные, что эти плашкоты назначены для устройства переправы близъ укрѣпленнаго ихъ городка. Но вообразите удивленіе мусульманъ, когда они замѣтили, что каждый плашкотъ, одинъ за другимъ, вышелъ изъ Аржиса, поворачивалъ круто нѣзаво, обращался къ Туртукаю кормомъ и пускался внизъ по теченію Дуная. Убѣдившись такимъ неожиданнымъ для нихъ маневромъ, что наши витязи вовсе не думаютъ о переправѣ, а замышляютъ что-нибудь другое, Турки пришли въ смѣненіе и тотчасъ же отправили гонцовъ въ Силистрію и Русчукъ, съ новымъ донесеніемъ пашамъ этихъ крѣпостей о плаваніи Русскихъ по Дунаю, по направленію къ Силистріи.

Синія облака еще ходили по небу и предвѣщали новую борьбу стихій, появленія которой наши плователи страшились болѣе всего; всякій изъ нихъ, съ ужасомъ озираясь на всѣ стороны, возсылалъ теплыя молитвы къ Всевышнему о дарованіи имъ ясной и тихой погоды. Не взирая однако на чернымъ тучамъ, этихъ грозныхъ предвѣстниковъ новой бури, начальное плаваніе нашихъ героевъ внизъ по Дунаю представляло картину, по истинѣ, прекрасную. Плашкоты, послѣ громкихъ выстрѣловъ съ пловучихъ багтарей, которымъ не хотѣлось разстаться съ жителями Туртукая, не пустивъ имъ на прощанье нѣсколькихъ гранатъ и ядеръ, стрѣлою понеслись по быстрому теченію воды одинъ за другимъ, какъ-будто огромныя чудовища, готовые прыгнуть на враговъ громъ и молнію. Пѣсни снова раздались на всѣхъ палубахъ, не взирая на то, что каждый плашкотъ, при малѣйшемъ порывѣ вѣтра, становалъ и такъ страшно качался, что грозилъ въ одно мгновеніе потопить

веселыхъ и неустрашмыхъ плователей. Впереди всѣхъ, на небольшихъ лодкахъ, летѣлъ авангардъ. Онъ составленъ былъ изъ застрѣльщиковъ архангельскаго пѣхотнаго полка, при трехъ легкихъ орудіяхъ, которыя установлены были на особыхъ паромахъ, подъ прикрытіемъ особыхъ стрѣлковъ. За авангардомъ и въ небольшомъ отъ него разстояніи, неслось 63 огромныя плашкота, изъ которыхъ каждый вооруженъ былъ 25-тью стрѣлками. Наконецъ слѣдовалъ арріергардъ, состоящій изъ двухъ легкихъ орудій на плоткахъ и застрѣльщиковъ на малыхъ лодкахъ. Отрядный командиръ, генералъ Яфимовичъ, вмѣстѣ съ главнымъ виновникомъ этой славной экспедиціи, генераломъ Шильдеромъ, разъѣзжали по всей линіи на особой лодчкѣ, которая, подъ парусами, носилась по вѣтру какъ — будто стрѣла, пущенная изъ лука лѣваго Черкеса. Оба генерала, обгоняя отрядъ, отдавали приказанія съ такимъ героическимъ присутствіемъ духа, что всякій солдатъ, смотря на веселое выраженіе лица своихъ начальниковъ, видѣлъ спокойствіе и невольно забывалъ объ опасностяхъ.

Я уже сказалъ, что невозможно было, при такомъ отважномъ предпріятіи, предусмотрѣть всѣхъ опасностей, которыя могли угрожать плаванію плашкотовъ. Однако, чтобъ по возможности отстранить нѣкоторые случайности, отрядный командиръ отдалъ слѣдующія по отряду приказанія:

1) По особому сигналу отъ авангарда, плашкотамъ или летѣть на бой, или причаливать къ своему берегу.

2) Застрѣльщики авангарда, по сигналамъ горнистовъ, должны или собраться къ одному мѣсту, или разсыпаться въ разныя стороны, смотря по обстоятельствамъ дѣла.

3) Если одинъ изъ переднихъ плотовъ, на которыхъ были устроены плувція баттарей, повстрѣчаетъ непріятельское судно, или приблизится къ острову, запятому Турками, то онъ долженъ немедленно и неожидая приказаній, открыть изъ орудій усиленный огонь.

Кромѣ этихъ распоряженій на случай встрѣчи съ непріятелемъ, предположено было какъ-можно-чаще дѣлать фальшивыя тревоги, чтобъ сколько-нибудь приучить людей къ боевымъ маневрамъ стихій, совершенно для нихъ незнакомой, а главное, чтобъ они свыклись съ мыслию, что ежечасно могутъ вступить въ бой съ непріятелемъ отчаяннымъ и во временахъ предпріимчивымъ, какъ это не разъ доказали намъ Турки.

Пока все шло благополучно. Фальшивыя тревоги слѣдовали одна за другой, и каждый разъ генералъ Яфимовичъ находилъ свой отрядъ въ полной готовности — летѣть на бой съ турецкими флотиліями. Но вдругъ снова заревѣла буря съ противнымъ вѣтромъ и съ проливныхъ дождемъ, и снова наши герои принялись воевать съ враждующими стихіями. Здѣсь, когда, казалось, вся природа возстала противъ горсти храбрыхъ воиновъ, здѣсь явился русскій солдатъ во всемъ своемъ величіи. Трудно вообразить, а еще труднѣе описать, съ какимъ мужествомъ и съ какою неутомимостію онъ боролся съ порывомъ вѣтра и съ яростію волнъ, которыя какъ горы напирали на плашкоты и каждую минуту грозили потопить ихъ. Но всѣ усилія экипажа были тщетны, и въ этотъ разъ сила человѣка оказалась ничтожною — побороť возставшія противъ него стихіи. Буря взяла свое, разбросавъ по Дунаю плашкоты болѣе чѣмъ на десять верстъ и перемѣшавъ ихъ

до того, что суда, плывшія въ началѣ плаванія впереди, очутились въ хвостѣ ливня, а тѣ, которыя замыкали плаваніе, отброшены были къ авангарду.

И какое страшное явленіе представляли эти разбросанные плашкоты даже для тѣхъ, которые уже были знакомы съ бурями и привыкли встрѣчать ихъ безъ боязни! Вообразите себѣ бурную и черную полосу Дуная, опоясанную съ одной стороны угрюмыми и мрачными скалами, а съ другой извилистымъ и пустыннымъ берегомъ, и на этой полосѣ нѣсколько десятковъ плашкотовъ, какъ-будто забытыхъ цѣлымъ міромъ и брошенныхъ на жертву враждующимъ стихіямъ. День обратился въ ночь. Только молнія, сверкая пѣзъ - за густыхъ тучъ, проливала блѣдный свѣтъ на отчаянно-грозныя лица экипажа, который, какъ привидѣнія, бѣгалъ по палубамъ. Плашкоты колыхались, трещали, стонали, то дергались на одномъ мѣстѣ, оборачиваясь по нѣсколько разъ кормомъ напередъ, то неслись по волнамъ, гонимые порывистымъ напоромъ вѣтра. Прибавьте къ этому ревъ бури, трескъ разрушенія, частые удары грома, наконецъ крики отчаянныхъ пловцовъ и сигналы горнистовъ. Все это сливалось въ одинъ страшный гулъ, который разносился порывами вѣтра отъ одного плашкота къ другому. Картина страшная, о которой архангелогородцы и до-сихъ-поръ вспоминаютъ безъ ужаса!

Пока ревла буря, при продолжительномъ противномъ вѣтрѣ, главная опасность состояла въ томъ, чтобъ этотъ противный вѣтеръ не отбросилъ плашкотовъ къ правому берегу, по которому блуждали Турки огромными кучами. Надобно сказать, что эта опасность не ускользнула отъ вниманія генерала Шильдера, и онъ еще до начала плаванія придумалъ средство, которое, по его мнѣнію, могло удержать плашкоты отъ гибельной для нихъ прогулки къ непріятельскому берегу, а именно, приказалъ привѣсить къ носу каждаго плашкота, для буксированія его, небольшой челнокъ съ двумя или тремя гребцами. Но бесполезность этой мѣры скоро оказалась на дѣлѣ. Еще въ началѣ плаванія, когда не разыгрывалась непогода, челноки, вѣсто того, чтобъ направлять ходъ плашкотовъ, сами вертѣлись по произволу вѣтра, и, легкіе и безсильные, не могли удержать ни одного судна въ должномъ направленіи. Но какъ только расходился Дунай, они первые попались подъ его злыя волны, такъ-что едва успѣли спасти проводниковъ-Молдаванъ и солдатъ-гребцовъ, управлявшихъ челноками..

Въ эту страшную минуту, когда, казалось, была потеряна и послѣдняя возможность удержаться отъ напора противнаго вѣтра, чувство само-сохраненія пробудило въ русскомъ солдатѣ свойственную ему смѣлѣность, и онъ самъ спасъ себя отъ неизбежной гибели. Убѣдись горькимъ опытомъ въ бесполезности своихъ буксировъ, экипажъ, какъ-будто сговорившись, дружно бросился на каждомъ плашкотѣ устраивать изъ досокъ мостоваго наката такъ-называемыя *потеси*, которыя обыкновенно употребляются на баркахъ. Эти потеси, или длинныя доски, тотчасъ же прикрѣпили по обѣимъ сторонамъ каждаго плашкота, на носу и на кормѣ, такимъ образомъ, чтобъ можно было управлять плашкотомъ безъ руля, и этимъ-то простымъ средствомъ, при неповѣрныхъ усиліяхъ экипажа, удерживали суда во все время бури у лѣваго берега. Послѣ этого, какъ не уди-

вляться смыслённости русскаго солдата! Нѣтъ сомнѣнія, что есльбъ не потесн, которыя такъ скоро пришли ему на умъ въ такую страшную минуту, когда обыкновенно у глубокихъ мыслителей умъ прячется въ пятки, то наша дунайская армада потерпѣла бы такую же участь, какой нѣкогда подверглась армада «непобѣдимая» Филиппа II, къ безславію и стыду своего изобрѣтателя.

Какъ-только буря затихла, плашкоты, разбросанные, какъ я уже сказалъ, по-крайней-мѣрѣ на пространства 10-ти верстъ, стали постепенно сближаться одинъ къ другому. Но авангардъ скрылся уже изъ вида: онъ спѣшилъ скорѣе достигъ до устьевъ рѣки Бота, чтобъ не дать Туркамъ времени образумиться, а главное, занять входъ въ рѣку Ботъ и тѣмъ обезпечить плашкоты отъ нападенія турецкой флотиліи со стороны Силистріи. Эта мѣра тѣмъ болѣе была необходима, что время склопилось уже къ вечеру и нельзя было надѣяться, чтобъ разбросанные бурей плашкоты могли достигнуть въ этотъ же день до рѣки Бота. Притомъ, люди, управлявшіе плашкотами, совершенно выбились изъ силъ и необходимо нужно было дать имъ отдыхъ.

Соображая опасность положенія, въ которомъ находились плашкоты, я прежде удивлялся, отъ-чего Турки не воспользовались этимъ случаемъ и не налетѣли на нашихъ пловцовъ во время бури, свирѣпствовавшей съ такимъ ужасомъ почти цѣлый день; но послѣ, когда познакомился короче съ характеромъ азіатскихъ воиновъ, я убѣдился, что подобные тактическіе промахи у нихъ нѣ-почемъ. Отчаянные и свирѣпые, когда обстоятельства войны заставляютъ ихъ бросить на-время трубку и схватиться за ятаганъ, они неспособны ни къ какимъ соображеніямъ, чтобъ отгадать намѣренія своего противника и заблаговременно взять мѣры къ ихъ отраженію. Вообще можно сказать о Туркахъ, что они одарены особою способностію — смотреть и не видѣть. Еслибъ силистрійская флотилія, узнавъ только о грозномъ вооруженіи нашихъ плашкотовъ въ Аржисѣ, двинулась со всеми своими іолами къ Туртукаю, и тамъ, соединившись съ флотиліею рущукскою на такомъ пунктѣ, чтобъ имѣть за собою теченіе рѣки, а слѣдовательно и всѣ средства къ удачному натиску, ожидала появленія нашихъ плашкотовъ изъ Аржиса въ Дунай, тогда, Богъ вѣсть, рѣшился ли бы генералъ Шильдеръ на свое смѣлое предпріятіе. Но, вмѣсто этихъ необходимыхъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ мѣръ, что предприняли Турки? Сначала они только разсуждали между собою въ стѣнахъ Туртукаля о нашихъ приготовленіяхъ; когда же плашкоты показались у истоковъ Аржиса, они какъ будто пробудились на-время отъ кейфа, пославъ гонцевъ къ пашамъ силистрійскому и рущукскому съ донесеніемъ о плаваніи Русскихъ по теченію Дуная; но тогда эта мѣра была уже бесполезна, потому-что съ разсвѣтомъ другаго дня плашкоты пошли въ Дунай и поплыли внизъ отъ Туртукаля. Что же касается до іоловъ, которыя въ первую ночь разѣзжали въ виду отряда, то онѣ, вѣроятно, посланы были ради одного любопытства, потому-что на нихъ находился экипажъ столь малочисленный, что онъ не могъ и не смѣлъ открытъ дѣйствій наступательныхъ.

Нельзя не отдать справедливости генералу Шильдеру: онъ вполне постигъ характеръ Турковъ и въ объ компаніи съ необыкновенною смѣлостію

пользовался ихъ тактическою недалековидностію, а не въ умѣньи ли пользоваться ошибками непріятеля, какъ справедливо замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій нашъ партизанъ-писатель, состоитъ вся тайна военнаго искусства? Повѣрьте, что если генералъ Шильдеръ рѣшился на свое отважное предпріятіе, то единственно потому, что имѣлъ дѣло съ Турками, которые, при всемъ своемъ молодечествѣ, не отличаются прозорливостію въ соображеніяхъ тактическихъ.

Но пора обратиться къ нашимъ пловцамъ. Я уже сказалъ, что авангардъ отплылъ впередъ. Въ 10-ти верстахъ отъ устья рѣки Бота, онъ былъ встрѣченъ генералъ-лейтенантомъ Сысоевымъ, который на этомъ мѣстѣ, съ двумя ротами егерей и съ Арнаутами, служившими въ нашей арміи волонтерами, подъ начальствомъ сербскаго каптана Буюклея, поджидалъ прибытія моста. Нѣчего и говорить, что храбрый атаманъ привѣтливо встрѣтилъ передовыхъ воиновъ отряда, который обнаружилъ, въ страшной борьбѣ съ могучими стихіями, столько мужества, усердія и смѣлости.

По догадкамъ генералъ-лейтенанта Сысоева, силистрійскіе Турки расположились за островами близъ рѣки Бота, а по этому и рѣшили вытѣснить ихъ оттуда во что бы ни стало. Для этого назначили нѣсколько десятковъ застрѣльщиковъ подъ командою архангелогородскаго пѣхотнаго полка майора Гутгарта, а при нихъ и ракетную батарею подъ управленіемъ гвардейской артиллеріи подпоручика Кавалевскаго, которые тотчасъ же и отправились внизъ по Дунаю. Вслѣдъ за этимъ передовымъ отрядомъ, отплылъ и самъ генералъ Шильдеръ, съ авангардомъ и Арнаутами. Чтò же касается до пласкотовъ, то, по общему совѣту, положили собрать ихъ на ночлегъ къ тому мѣсту, гдѣ расположенъ былъ небольшой отрядъ генерала Сысоева.

Майоръ Гутгартъ, съ своими удалыми застрѣльщиками, быстро полетѣлъ на легкихъ лодкахъ—очищать входъ изъ Дуная въ рѣку Ботъ и тѣмъ обезпечить дальнѣйшее плаваніе пласкотовъ. Скоро и часть турецкой флотиліи, состоящая изъ трехъ канонерскихъ баркасовъ, вооруженныхъ орудіями малаго калибра, показалась со стороны Силистріи. Подплывая къ архангелогородцамъ на картечный выстрѣлъ, Турки открыли пушечный огонь, не забывъ однако, по обыкновенію, огласить прежде воздухъ своими дикими криками. Майоръ Гутгартъ не могъ и думать на небольшихъ лодкахъ держаться на водѣ подъ непріятельскими орудійными выстрѣлами, а потому онъ тотчасъ же и отступилъ, причаливъ къ своему берегу. Но въ этотъ самый моментъ явился на сцену, и очень кстати, подпоручикъ Кавалевскій съ конгревовыми ракетами, этими огненными змѣями, которыя своимъ гремучимъ и шипящимъ полетомъ въ состояніи поколебать не только заносчивое мужество Азіятцевъ, но и ледяную прозапческую стойкость европейскаго стрѣла. Надобно сказать, что силистрійскіе Турки тогда еще не имѣли понятія объ этомъ огнестрѣльномъ снарядѣ, а по этому и неумудрено, что первыя пушечныя подпоручикомъ Кавалевскимъ ракеты произвели на нихъ такое же дѣйствіе, какое некогда произвелъ *греческій огонь* Теофана Протовестіарія на воиновъ Игоря, которымъ отъ страха казался этотъ огонь «небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага». Какъ-только удачное дѣйствіе ракетъ привело Турковъ въ ужасъ и безпорядокъ и они ударились

на-утекъ, генералъ Шильдеръ съ авангарломъ и Арнаутами присоединился къ лодкамъ майора Гутгарта, и вывѣсть съ ними полетѣлъ преслѣдовать отступавшихъ Османловъ. Онъ гналъ ихъ до самыхъ истоковъ Бота, но здѣсь следовало ему остановиться, чтобы выждать прибытіе плашкотовъ и вывести ихъ благополучно изъ Дупая.

Вы помните, что мы оставили плашкоты на Дунаѣ разбросанными бурей, и что надлежало имъ собраться на ночлегъ къ тому мѣсту, гдѣ разстался майоръ Гутгартъ съ храбрымъ атаманомъ Сысоевымъ. Начинало уже смеркаться, когда показались первые плашкоты. Вскорѣ за ними подошли и остальные. Вся они благополучно причалили къ берегу, и, благодаря молодецкимъ распоряженіямъ генерала Шильдера, провели ночь въ совершенной безопасности, имѣя большое пространство передъ собою очищеннымъ авангарднымъ движеніемъ, а съ тылу прикрытые аррьергардомъ.

Между-тѣмъ исчезли и тучи. Звѣзды и луна снова заблестали на чудесномъ классическомъ небѣ. Пока одна половина команды спала, другая, на стражѣ, молчаливо расхаживала по мостовымъ накатамъ плашкотовъ. Все было тихо и только протяжные отклики часовыхъ прерывали торжественное молчаніе. Но вотъ и скоро сталъ проясняться день, ясный и тихій. Экипажъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Если справедливы слова поэта, что прекрасный день есть праздникъ, который небо даетъ землѣ, то этотъ день, послѣ вчерашней бури, былъ настоящимъ праздникомъ.

Часу въ 8-мъ утра, плашкоты отчалили отъ берега; пользуясь напутнымъ порывистымъ вѣтромъ, они такъ быстро полетѣли по теченью Дуная, что черезъ два часа передніе входили уже въ рѣку Ботъ; но вдругъ вслѣдъ за аррьергардомъ показалась часть рущукской флотиліи. Къ-счастію, генералъ Шильдеръ не дремалъ: предвидя появленіе непріятелей еще накануне, онъ поставилъ у самаго истока Бота, съ лѣвой его стороны, 4 легкія орудія, на тѣхъ же паромѣхъ, на которыхъ они прибыли изъ Аржаса, а противъ нихъ, съ правой стороны рѣки, помѣстивъ нѣсколько ракетныхъ станковъ и вывѣсть съ ними знаменитую «пушку-карнаушку», про чудныя походы которой наши старые пушкарни рассказываютъ съ восхищеніемъ. Она, позвольте видѣть, получила прозваніе «карнаушки» съ тѣхъ-поръ, какъ турецкое шальное ядро отбилось у нея однимъ изъ дельфиновъ, которые, какъ извѣстно, торчатъ у всякаго орудія паподобіе ушей. И немудрено, что бомбардиръ любилъ ее безъ памяти: на своемъ вѣку она ознаменовала себя такими блистательными выстрѣлами, что я самъ помню, какъ артиллеристы ходили смотреть на знаменитую «карнаушку», какъ на какое-нибудь чудо. Но болѣе всѣхъ любилъ ее артиллерійскій капитанъ Заматаевъ, неразставшійся съ нею въ-продолженіе всей кампаніи. Гдѣ «карнаушка», тамъ ужъ вѣрно и капитанъ Заматаевъ. Онъ самъ ее наводитъ, самъ понижаетъ и возвышаетъ, и если, въ опасномъ случаѣ, нуженъ вѣрный выстрѣлъ, положитесь смѣло на «карнаушку»: она промаховъ не знаетъ, какъ-будто заряжаютъ ее заговоренными ядрами.

Какъ-только непріятельскія шебеки показались изъ-за острововъ, артиллеристы приготовились къ дѣлу. Я забылъ сказать, что Турки плыли подъ парусами на трехъ шебекахъ, но скоро одна изъ нихъ укрылась за островомъ и послѣ совсѣмъ не показывалась; другія же двѣ, какъ-только под-

плыли на пушечный выстрѣлъ отъ устья Бота, ядра и гранаты полетѣли на нихъ съ визгомъ и трескомъ. Между-тѣмъ взрѣвала и «карнаушка»: ядро ея прямо ударилось въ одну пзъ шебекъ, пробивъ подводную часть ея насквозь. Шебека затрещала и тотчасъ же стала опускаться на дно со всѣмъ своимъ грузомъ и экипажемъ. Не довольствуясь такимъ славнымъ выстрѣломъ, карнаушка обратилась на другую шебеку и однимъ ядромъ подбила у нея руль. Тогда майоръ Гутгартъ, на небольшой лодкѣ, бросился съ застрѣльщиками впередъ, чтобъ отрезать подбитой шебекѣ отступленіе, а сербскій капитанъ Буюклея, съ своими отчаянными Арнаутомъ, атаковалъ ее сзади. Вслѣдъ за нимъ и генералъ Шильдеръ повелъ на abordажъ десятка два стрѣлковъ вологодскаго пѣхотнаго полка. Такимъ образомъ, шебека, потерявъ руль и атакованная со всѣхъ сторонъ небольшими нашими лодками, приведена была въ положеніе отчаянное. Турки, не видя другого средства къ спасенію, стали бросаться въ воду, чтобъ вплавь достигнуть своего берега, къ которому спѣшила толпа Силистрійцевъ, спускаясь бѣгомъ съ обрывистыхъ скалъ, ополсывающихъ весь правый берегъ Дуная. Но наши пушечные выстрѣлы и ружейный огонь съ застрѣльщичьихъ лодокъ скоро разогнали челоуѣколюбивую толпу, потопивъ имѣсть съ тѣмъ и большую часть непріятельскаго экипажа, который надѣялся вплавь спастись отъ угрожавшей ему опасности. Тѣмъ и кончилась эта схватка нашихъ неустрашимыхъ пловцовъ съ турецкими шебеками. Семь челоуѣкъ Болгаръ, которые не послѣдовали за Турками, а остались на корветтѣ, положили оружіе и съ торжествомъ были приведены къ отрядному командиру. На взятомъ суднѣ нашли богатый грузъ, состоявшій изъ вина, водки, риса, муки, табака и другихъ припасовъ. Все это досталось въ руки сербскаго капитана, который первый взлетѣлъ на корветъ въ то время, когда еще его защищали Болгары. Чтò же касается до самой шебеки, то она тотчасъ же перемѣнила вѣру и поступила въ число судовъ православныхъ.

Пока наши герои торжествовали надъ чалмоносами силистрійскими, всѣ пласкоты успѣли благополучно войти въ рѣку Ботъ и потомъ уже безопасно продолжали плаваніе по лиману до самаго Калараша.

На другой день послѣ отправленія моста въ Каларашъ, генералъ Шильдеръ долго совѣщался съ начальникомъ штаба 2-го корпуса о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ. Генералъ Германъ полагалъ, что опасно оставить при истокахъ Бота столь слабый отрядъ, потому-что Турки, по всей вѣроятности, не замедлятъ напасть на него съ значительными силами; но генералъ Шильдеръ думалъ иначе и представлялъ, что, съ удаленіемъ отряда, теряется возможность исполнить волю главнокомандующаго, которая, какъ уже мы знаемъ, сообщена была генералу Шильдеру въ предписаніи начальника штаба арміи и заключалась въ четырехъ пунктахъ. Первый изъ этихъ пунктовъ, то-есть, спускъ моста, былъ уже исполненъ съ неожиданнымъ успѣхомъ; оставалось привести въ исполненіе остальные три, а именно:

- 1) Занять и укрѣпить лѣвый берегъ Дуная;
- 2) прекратить сообщеніе между Силистріей и Рушукомъ; и наконецъ
- 3) приготовить матеріалы для предстоящей осады Силистріи.

По окончаніи совѣщаній, генералъ Германъ отправился въ городъ Бухарестъ, чтобъ тамъ донести графу Палену о благополучномъ отправленіи плашкотовъ въ мѣстечко Каларашъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испросить согласія его на дальнѣйшія дѣйствія отряда по Дунаю. Графъ Паленъ благодарилъ за первое и согласился на второе.

Какъ-только корпусный командиръ предоставилъ генералу Шильдеру полную свободу—вдаться съ Турками на Дунай, онъ началъ съ того, что заложилъ по обѣимъ сторонамъ истока рѣки Бота сомкнутыя укрѣпленія, а вмѣстѣ съ сѣмъ и приказалъ вооружить шебеку, отбитую у Турковъ, полевыми орудіями, съ тѣмъ, чтобъ она могла въ-послѣдствіи содержать на Дунаѣ брандвахту, которую, пока, по-необходимости, содержали плохіе паромы, устроенные еще въ Аржисѣ подъ плывучія батареи. Надобно сказать, что отрядъ, въ-продолженіе всей экспедиціи, соблюдалъ самыя строгія мѣры осторожности. У острова, лежащаго противъ самаго устья рѣки Бота, стояла день и ночь на якорѣ большая лодка съ застрѣльщиками, а при ней двѣ маленькія лодки, для разъѣздовъ въ ночное время. Кроме того, близъ брандвахты, на самой срединѣ Дуная, крейсировало нѣсколько небольшихъ лодокъ съ застрѣльщиками, и одна лодка большая, на которой уставлены были ракетныя станки. Наконецъ, сербскій капитанъ, Георгій Буюклея, съ своими Арнаутами, непрерывно разъѣзжалъ вверхъ по Дунаю. Все это достаточно обезпечивало отрядъ отъ внезапныхъ нападений.

Для успленія же баттарей, доставлены были изъ Калараша 4 турецкія орудія, съ полною къ нимъ прислугою. Но генералъ, не довольствуясь этою артиллеріею, приказалъ обтесать изъ дерева нѣсколько болвановъ, имѣвшихъ видъ орудій, и положить ихъ въ пустыя амбразуры, чтобъ придать въ мнѣніи противника возможно-большую важность своимъ ботовскимъ укрѣпленіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, при дѣйствіи изъ баттарей, перетаскивали настоящія орудія отъ одной амбразуры къ другой, но вѣроятно эта артиллерійская хитрость ускользнула отъ вниманія Турковъ, потому-что въ-послѣдствіи они чистосердечно признавались, что считали наши батареи неприступными по множеству осадныхъ орудій, коими они были вооружены.

Пока отрядъ занимался приготовленіемъ матеріаловъ для предстоящей осады Силистріи и постепеннымъ усовершенствованіемъ своихъ ботовскихъ укрѣпленій, проснулись и Турки, явившись на сцену со всеми своими достоинствами и недостатками: съ отчаяннымъ мужествомъ въ пылу битвы и съ отсутствіемъ всякихъ тактическихъ соображеній. Такъ, напримѣръ, высмотрѣвъ внимательно наши батареи, они рѣшились и на своемъ берегу устроить что-нибудь подобное, и потому придумали вырыть посредникъ горной покатости окопы, которые и были окончены въ одну ночь. Съ разсвѣтомъ же другаго дня, они вытащили изъ ущелья нѣсколько орудій, сдвинули ихъ въ окопъ и тотчасъ же открыли съ нихъ огонь по нашей брандвахтѣ, которая крейсировала, какъ я уже сказалъ, на самой срединѣ Дуная. Бой былъ неровенъ. Непріятельскія ядра подбили паромъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и онъ, отстрѣливаясь, принужденъ былъ спуститься

по теченію, чтобъ стать вѣзъ выстрѣловъ (*). Тогда Турки, восхищенные своею удачею, обратили орудійный огонь на наши береговія укрѣпленія; но этотъ огонь не могъ причинить ботовскимъ батареямъ значительнаго вреда, потому-что направленъ былъ съ окоповъ, вырытыхъ на слишкомъ-большой возвышенности. Турки сами это замѣтили, но, по азійскому обычаю, для поправленія своей глупости, они сдѣлали еще большую глупость, то-есть, перенесли свою батарею на самую возвышенную точку горной покатоcти. Послѣ этого, орудійные ихъ выстрѣлы сдѣлались уже почти совсѣмъ-недѣйствительными: ядра и гранаты, падая съ трескомъ и визгомъ, хоронили себя за-живо и безъ рикошетовъ въ мягкомъ и иловатомъ грунтѣ земли, такъ-что наши солдаты скоро привыкли къ этой пустой канонадѣ и совсѣмъ перестали обращать на нее вниманіе, расхаживая спокойно по своему берегу и производя большую часть работъ вѣзъ батарей, на открытомъ мѣстѣ. Они варили даже кашу подлѣ непріятельскими ядрами. Такъ одинъ казакъ, усѣвшись на-корточкахъ передъ огнемъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на котелокъ, въ которомъ кипѣла его каша, помысливая ее по-временамъ длинною щепкою. Вдругъ ядро съ визгомъ ударилося у самаго огня. Казакъ опрокинулся на спину и замоталъ руками и ногами.

— Увы! Грицко убитъ! закричали прочіе кашевары, подбѣжавъ съ участіемъ къ казаку.

Но Грицко былъ живѣхонекъ. Его обдало только грязью съ ногъ до головы. Изъ любопытства вырыли ядро и нашли, что оно углубилось въ землю на нѣсколько футовъ по прямому направленію отъ устроенной на горѣ турецкой батареи, и, вѣроятно, ударилося подлѣ весьма-большимъ угломъ паденія, почему и прекратило дальнѣйшую прогулку по нашему берегу.

Вотъ еще примѣръ, подтверждающій недѣйствительность выстрѣловъ вновь-устроенной на горѣ непріятельской батарее. Однажды вздумалось генералу Шильдеру испытать въ дѣлѣ шебеку, отбитую у Турковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ознакомить своихъ артиллеристовъ съ перестрѣлкою на водѣ. Но, безъ парусовъ и руля, трудно было пустить шебеку на произволъ Дуная; поэтому и придумали слѣдующее средство: прицепили къ ней длинный канатъ и посредствомъ этого каната стали двигать ее и вверхъ и внизъ по Дунаю, какъ-будто опасаясь, чтобъ она также не измѣнила православнымъ, какъ нѣкогда измѣнила поклонникамъ пророка. Какъ-только шебека подошла на картечный выстрѣлъ къ непріятельскимъ батареямъ, Турки тотчасъ же узнали свою измѣнницу и съ криками «аллахъ!» открыли по ней сильный орудійный огонь. Наши артиллеристы, плававшіе на ренегткѣ-шебекѣ, отвѣчали имъ тѣмъ же, и перестрѣлка загорѣлась. Невыгодная позиція турецкой батарее дала рѣшительный перевѣсъ нашимъ пушкарямъ: они не только долгое время могли держаться подлѣ выстрѣлами на

(*) На каждомъ паромѣ и большихъ лодкахъ заготовлены были особые деревянные пробки, покрытыя саломъ и пенькою, которыми затыкали отверстіе послѣ удара непріятельскаго снаряда, и тѣмъ спасались отъ потопленія.

самой срединѣ Дуная, но и подбили непріятельское орудіе, которое въ это время тащили чалмоносцы на гору.

До-сихъ-поръ, какъ вы сами видите, Турки играли съ нашимъ небольшимъ отрядомъ, какъ-будто кошка съ мышкою. Но вотъ настала часть, въ который они явились во всемъ своемъ грозномъ величіи. Это было 15-го апрѣля, за два дня до св. Пасхи, въ страстную пятницу. Ночью приплыла силистрійская флотилія и остановилась въ 700 саженьяхъ отъ устья Бота. Она состояла изъ 3-хъ большихъ вооруженныхъ судовъ, нѣсколькихъ судовъ меньшей величины и изъ лодокъ съ десантными войсками, скрывавшихся, какъ обнаружилось въ-послѣдствіи, въ заливахъ и за островами.

Въ это же время и начальникъ штаба арміи прислалъ извѣстіе, что, по полученнымъ донесеніямъ отъ развѣздовъ, рушукская флотилія плыветъ уже къ истокамъ Бота.

Послѣ этого не оставалось болѣе сомнѣнія, что наконецъ Турки осмотрѣлись и рѣшились уничтожить небольшой отрядъ нашихъ героевъ, состоявшій не болѣе какъ изъ трехъ или четырехъ батальоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ орудій и конгревовыхъ ракетъ, пяти или шести лодокъ, включая въ это число и шебеку, наконецъ изъ нѣсколькихъ пловучихъ батарей, устроенныхъ на весьма-плохихъ паромахъ. Подумайте, что могъ предпринять такой ничтожный по своимъ силамъ въ-сравненіи съ силами непріятельскими отрядъ, когда Турки готовились накрыть его со всѣхъ сторонъ. Обороняться?—но чалмоносцы, сдвинувшись отъ Силистріи и Рушукъ къ устью Бота, опрокинуть все, что ни встрѣтится имъ на пути ихъ натиска;—отступить?—но тогда всѣ геройскія усилія отряда, чтобъ укрѣпить лѣвый берегъ Дуная и чрезъ то прекратить сообщенія двухъ крѣпостей, это важное по тогдашнимъ обстоятельствамъ сообщеніе, посредствомъ котораго Силистрія могла и ожидала получить изъ Рушукъ огромные запасы и средства для предстоящей ей обороны, — все это пропадетъ даромъ. При томъ же, всякое отступленіе съ нашей стороны могло уронить насъ въ мнѣніи противника, возвыситъ его мужество, а главное, придать ему силу воли и рѣшимость въ предпріятіяхъ наступательныхъ, чего, благодаря Богу, до-сихъ-поръ не замѣчалось у Турковъ. И такъ, оставалось одно только средство къ спасенію—это самимъ атаковать непріятеля и если не разбить его, то по-крайней-мѣрѣ изумить смѣлостію предпріятія. Воюя съ Турками, не мѣшаешь иногда повторять правило французскаго философа: *sur un terrain glissant il faut toujours faire un pas hardi*. Вспомните графа Румянцева подъ Кагуломъ. У него было не болѣе семнадцати тысячъ регулярныхъ войскъ, когда впереди его стояла турецкая армія въ сто пятьдесятъ тысячъ, а съ тылу гарцовали Татары толпами безчисленными. Положеніе до крайности отчаянное! Но графъ, вмѣсто того, чтобъ отступать или обороняться, самъ напалъ на Турковъ и, отбросивъ ихъ къ Дунаю, взялъ въ добычу лагерь и 140 орудій!

Генералъ Шильдеръ, какъ-будто вдохновенный свыше, рѣшился повторить въ миньятюрѣ чудесный подвигъ графа Румянцева подъ Кагуломъ. Онъ созвалъ частныхъ начальниковъ отряда и торжественно объявилъ имъ, что они окружены непріателемъ, и что имъ не остается другаго сред-

ства къ спасенію чести русскаго оружія, какъ предупредить намѣреніе Турковъ и ударить на нихъ всѣми силами.

—Господа! говоритъ генералъ своимъ храбрымъ сослуживцамъ:—я знаю Турковъ. Посмотрите, они прійдутъ христосоваться съ нами огнемъ и желѣзомъ въ самый день св. Пасхи, полагая, что въ этотъ торжественный для насъ праздникъ, мы загулемъ и забудемъ о мтрахъ предосторожности. Надобно непременно предупредить ихъ и вознаградить маловажность нашихъ силъ предъ непріятельскими выгодою нечаяннаго нападенія.

Всѣ согласились съ мнѣніемъ генерала и общимъ совѣтомъ положили — атаковать флотилію силистріійскую на разсвѣтъ съ 16-го на 17-е число. Приготовленія были слѣдующіи.

Въ ночь на 17 - е число устроили баттарею изъ грязи (*) и камыша для 4-хъ орудій, прямо противъ непріятельскихъ судовъ, стоявшихъ на якорѣ у праваго берега Дуная. Подлѣ этой баттарей поставили плоты съ орудіями и ракетами, а нѣсколько-ниже спустили ренегатку-шебеку. Застрѣльщики и мушкеры заняли особыя лодки. Всѣ эти приготовленія производились безъ шума и суеты, а потому и немудрено, что, покровительствуемая темнотою ночи, они были скрыты отъ наблюденій непріятеля. Чтѣ же касается до ботовскихъ укрѣпленій, то ихъ поручили одному старому бомбардиру, давъ ему въ команду нѣсколько деньщиковъ, потому-что весь отрядъ, безъ исключенія, предназначался къ дѣлу противъ силистріійской флотиліи; но чтобъ этотъ съдой пушкарь не затруднялся въ своихъ дѣйствіяхъ, предварительно навели каждое орудіе вдоль Дуная, по направленію къ Рушцуку, зарядили пушки ядрами, а единороги граватами, поставили трубки, словомъ совершенно приготовили баттарею къ дѣйствию, такъ что деньщикамъ оставалось только, въ случаѣ появленія непріятеля со стороны Рушцука, по командѣ бомбардира, подбѣжать къ орудіямъ и приложить зажженные фитили къ трубкамъ. Послѣ этого, какъ не согласиться, что генералъ Шильдеръ великій мастеръ на изобрѣтенія: построивъ въ одну ночь баттарею изъ грязи, онъ въ ту же ночь сформировалъ прислугу изъ деньщиковъ, хотя прислуга при орудіяхъ отлѣчается отъ прислуги при офицерахъ столько же, сколько служба въ полѣ отъ службы въ передней...

Едва заря начала заниматься, какъ наши артиллеристы стали пристально высматривать правый берегъ, чтобъ скорѣй подмѣтить непріятельскія суда и первымъ открыть по нимъ огонь, но, къ удивленію ихъ, они ничего не могли рассмотреть у противника, скрывавшагося въ густомъ мракѣ. Надобно сказать, что лѣвый берегъ Дуная, совершенно-открытый къ востоку, освѣщается, при восхожденіи солнца, нѣсколько-ранѣе берега праваго. По этому не мудрено, что Турки, завидѣвъ боевое расположеніе нашего отряда прежде, нежели наши артиллеристы могли замѣтить суда ихъ, первые открыли пушечный огонь, который послужилъ для насъ и снѣна-

(*) Въ строгомъ смыслѣ изъ *грязи*. Отъ непрерывныхъ разлитій Дуная, который при самой большой убыли воды, понижался не болѣе какъ на 1 футъ отъ горизонта лѣваго берега, не оставалось на этомъ низменномъ берегу ни одного клочка сухой земли. Впрочемъ, при построеніи этой баттарей, не къ чему было и заботиться о твердой толщѣ ея брустверовъ.

ломъ для начатія дѣйствія, и цѣлью для паведенія орудій. Баттарен сразились, и громъ орудійныхъ выстрѣловъ торжественно привѣтствовалъ зарю новаго дня, раздавшись глухими перекатами по окрестнымъ скаламъ и ущелиямъ. Вслѣдъ за ядрами и гранатами замѣтили и конгревовы ракеты, которыми во все время дѣйствій на Дунай распорикался съ особенною ловкостію подпоручикъ гвардейской артиллеріи Кавалевскій. Сперва одна полетѣла огненной змѣей надъ темною поверхностію Дуная; за ней другая, и эта прямо въ кононерскую лодку. Искры какъ-будто отъ фейерверочнаго бурака блеснули отъ ракеты и обхватили весь бокъ непріятельской лодки; потомъ показался дымъ, а за нимъ и пламя, какъ огненная лава, съ трескомъ взвилось надъ палубой. Все это было дѣломъ мгновенія, и турецкій корветъ, загорѣвшись, освѣтилъ дорогу нашимъ застрѣльщикамъ, которые тотчасъ же и двинулись на своихъ маленькихъ лодкахъ къ непріятельскому берегу.

Между-тѣмъ, пушечный огонь не умолкалъ ни на минуту. Турки едва успѣли зарядить въ четвертый разъ свои орудія на береговыхъ баттаряхъ, какъ суда ихъ, поражаемые меткими выстрѣлами нашей артиллеріи, отрубали якорные канаты и съ поспѣшностію стали спускаться внизъ по теченію. Наши артиллеристы усилили огонь, а застрѣльщики, взумленные такою неожиданною удачею и въ упорительномъ чадѣ только-что разгорѣвшейся битвы, полетѣли со всею вѣрою въ свое превосходство вслѣдъ за противникомъ...

Но въ это время раздался пушечные выстрѣлы близъ ботовскихъ укрѣпленій. Румынскіе Турки, въ значительномъ числѣ, на огромныхъ судахъ и маленькихъ лодкахъ, которые покрыли собою весь Дунай, грозно спустились по теченію. Эта минута, поистинѣ, была самая критическая для нашего отряда! Генералъ Шильдеръ не могъ не видѣть опасности, угрожавшей его боевымъ укрѣпленіямъ со стороны Румука, а потому онъ и принужденъ былъ тотчасъ же прекратить свое преслѣдованіе за Флотиліею силестрійскою.

Не медля ни минуты, генералъ приказываетъ отряду возвратиться какъ-можно-скорѣе къ береговымъ баттарямъ; прежде же всего отсылаетъ на особыхъ лодкахъ артиллеристовъ, чтобъ они успѣли во-время подать руку помощи старому бомбардиру. Но опѣ, сказать правду, забылъ и думать о своихъ товарищахъ. Не постигалъ критическаго положенія отряда, потому-что привыкъ заботиться только о своемъ дѣлѣ и не обращать вниманія на то, что дѣлается по сторонамъ его, нашъ старый бомбардиръ префлегматически расхаживалъ по вѣрнымъ ему укрѣпленіямъ, покрикивая на деньщиковъ, чтобъ они поочереди открывали огонь изъ паведенныхъ уже по Дунаю орудій. И надобно сказать, что, къ счастію отряда, эти орудія, какъ-будто соревнуя пушкѣ-карнаушкѣ, почти не дѣлали промаховъ. Впрочемъ и не могло быть иначе, когда весь Дунай, отъ одного берега до другаго, покрылся турецкими судами. Каждое ядро непременно ударялось въ какую-либо изъ непріятельскихъ лодокъ, изъ которыхъ однѣ тотчасъ же опускались на дно рѣки, а другія, не столь поврежденные, но немогшія долго держаться на водѣ, старались укрыться отъ нашихъ выстрѣловъ, припавъ къ своему берегу. Когда же возвратился отрядъ и остановился

на-время, въ виду непріятеля, у своихъ береговыхъ баттарей, смятеніе примѣтно распространилось между Турками. Тогда не трудно было замѣтить по нерѣшительнымъ движеніямъ ихъ лодокъ, что они отказались уже отъ намѣренія дѣйствовать наступательно. И дѣйствительно, отрядъ нашъ не успѣлъ еще приготовиться къ натиску, какъ вся рунцукская флотилія, поражаемая прицѣльными выстрѣлами артиллеристовъ, смѣнившихъ уже деньщиковъ, стала мало-по-малу останавливаться и наконецъ совсѣмъ остановилась. Десантныя войска, которыя еще до начатія дѣла вышли на лѣвый берегъ, чтобъ атаковать наши баттарей съ сухаго пути, замѣтивъ разстройство и замѣшательство между своими корветтами, смутились въ свою очередь и бросились на лодки. Наконецъ и вся флотилія, состоявшая изъ трехъ мачтовыхъ военныхъ судовъ и 20-ти малыхъ баркасовъ, вооруженныхъ фалконетамъ, обратившись къ намъ кормою, удалась за острова, за которыми скрывалась до начатія дѣла.

Такъ кончилась эта чудесная схватка клочка русскихъ воиновъ съ двумя флотиліями турецкими, и я думаю, что многомъ она покажется невѣроятною. Но, господа невѣрующіе, возьмите на себя трудъ выплунуть въ исторію нашихъ войнъ съ Турками и пересчитайте надосугъ всѣ одержанныя нами надъ покровниками пророка победы отъ 1737-го года по 1829-й, победы Минина, Румянцова, Суворова, Багратіона, Милорадовича, Каменскихъ, Кутузова и наконецъ Забалканскаго! Вездѣ вы увидите одинъ и тотъ же результатъ: Турки, съ своими стотысячными толпами, не могли нѣкогда состязаться въ полѣ успѣшно съ нашими незначительными по силамъ арміями. Отъ-чего же это происходитъ? спросите вы. Во-первыхъ, отъ-того, что мы Русскіе, а они Турки; во-вторыхъ, потому-что сила нашихъ армій всегда была основана на единодушіи безусловной покорности младшихъ старшимъ, а Турки, какъ извѣстно, въ своихъ безпорядочныхъ рядахъ не отличаются строгою подчиненностію, у *Турковъ подчиненность слаба*. Притомъ, наши военачальники, даже простые офицеры, считаютъ за стыдъ не довершить своего образованія и постоянно изучаютъ обязанности своего благороднаго званія, а у Турковъ, какъ вы сами, можетъ-быть, слышали, тотъ офицеръ уже достаточно образованъ, который умѣетъ показать солдату приемы ружьемъ, потому-что въ этомъ состоитъ у нихъ, какъ я знаю достоверно, большую частію энциклопедія военнаго искусства. Русскія войска, для успѣшнаго дѣйствія противъ Турковъ, почти съ каждой компаніей на Дунаѣ пріобрѣтали большую опытность въ тактикѣ. Такъ, на-примѣръ, во времена Минина, наша армія составляла одинъ продолговатый карре, прикрытый рогатками; но послѣ компаніи 1774 года, по справедливости названной *румянцовой*, уничтоживъ и рогатки и этотъ продолговатый карре, замѣнивъ его нѣсколькими, меньшей величины, карреями, которые удобнѣе могли и двигаться и дѣйствовать. Въ-послѣдствіи, и эта румянцовская тактика усовершенствовалась: князь тавричскій, въ 1791 году, каррен, которые составлялись каждый изъ двухъ батальоновъ, приказалъ располагать уступами въ двѣ линіи, чтобъ они могли взаимно покрывать другъ друга съ боковъ. Но пока мы такимъ образомъ совершенствовались въ тактикѣ, что выиграли въ войнѣ Турки? Довольствуясь своимъ отчаяннымъ мужествомъ, они никогда не обращали должнаго вниманія на боевые поряд-

ки и на маневръ тактическій. Вся ихъ тактика, какъ прежде такъ и теперь, единственно состоятъ въ томъ, чтобъ укрѣпиться въ лагерь, обезпечить мѣстностію его флаги и потомъ встрѣтить непріятеля передъ его фронтомъ толпами многочисленными, мужественными, но всегда безпорядочными. Словомъ, каждый мусульманинъ выходитъ въ поле, безъ малѣйшихъ понятій о теоріи военнаго искусства, а каждый изъ частѣхъ начальниковъ дерется у нихъ, какъ ему заблагоразсудится, мало заботясь о чести оружія другихъ отрядовъ. Вспомните, когда въ 1810-мъ году значительный отрядъ турецкій схватился съ войсками графа С. М. Каменскаго на силистріійской дорогѣ, близъ деревни Большой-Чифликъ, и когда онъ, поражаемый на всѣхъ пунктахъ, просилъ помощи у своего большаго резерва, что отвѣчалъ на это верховный визирь! «Я не намѣренъ» говорилъ этотъ себялюбивый военачальникъ: «подвергать опасности свою армію, и выйду только для напесенія непріятелю послѣдняго удара, если дѣла примутъ *«хорошій оборотъ»*». Но онъ не дождался этого оборота, потому-что графъ Каменскій, какъ извѣстно, разбилъ тогда Турковъ на голову (*). Не такъ ли поступилъ и у ботовскихъ укрѣпленій начальствующій паша надъ рущукскою флотиліею? Въмѣсто того, чтобъ подкрѣпить Силистріійцевъ всеми силами, онъ долго скрывался за островами и вступалъ въ дѣло тогда только, когда суда флотиліи силистріійской бѣжали съ попринца битвы. Это одно обстоятельство могло уже отбить охоту у Силистріійцевъ, при началѣ дѣла, идти на рѣшительный приступъ противъ отряда, силы котораго вовсе имъ были неизвѣстны, а укрѣпленія, возвышавшіяся у береговъ истока Бота, громко и грозно говорили въ нашу пользу.

Какъ-только отрядъ увѣрлся, что опасности, угрожавшая ему, миновалась, онъ обратился съ благодарственною молитвою къ Богу. Полковой священникъ установилъ на барбетъ одного изъ укрѣпленій, дымившагося еще боевымъ порохомъ, святой палой, и передъ нимъ преклонились благочестивые герои, благодаря Всемогущаго не за одержанную побѣду надъ непріятелемъ, а за чудное спасеніе отъ угрожавшей имъ гибели. Эта минута была минутою торжества цѣлаго отряда. Общій восторгъ разделяли даже децѣйки, потому-что и они принимали участіе въ дѣлѣ. Что же касается до офицеровъ и солдатъ, то послѣ этого славнаго дня, они еще болѣе возвысились въ собственномъ мнѣніи, считая себя рѣшительно-непобѣдимыми. Мнѣ даже кажется, что еслибъ они слышали что-нибудь объ «Иліадѣ» Гомера, то, вѣрно, сравнили бъ себя съ Ахиллесомъ *неуязвимымъ*, тѣмъ болѣе, что Турки, дѣйствуя съ своихъ черезъ-чуръ-возвышенныхъ баттарей уже нѣсколько дней сряду, не могли ранить ни одного изъ нихъ.

Но вотъ и насталъ радостный день св. Пасхи, этотъ торжественный и священный день для каждого христіанина. Съ вечера Божіей субботы отслужилъ всенощную, а въ самый день свѣтлаго праздника обѣдню, за которой благочестивый отрядъ громко и отъ полноты чувствъ повторялъ нѣ-

(*) Картина Войны Россіи съ Турціею въ царствованіе императрицы Екатерины II и Императора Александра I; сочиненіе генерал-майора Д. П. Бутурлина, часть II, стр. 109.

сколько разъ пророческіи псаломъ Давида: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его!»—Послѣ объедини, христіанобивныя войны, облобызавшись, раздѣлили между собою нѣсколько личекъ, съ трудомъ добытыхъ въ окрестныхъ селеніяхъ. Какое умирительное зрѣлище представлялъ этотъ отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ нечестивыми врагами, брошенный далеко отъ своей родины и строго-исполняющій, посреди кровавыхъ битвъ, обряды христіанства!..

Въ полдень офицеры собрались къ общему обѣду, который, въ обыкновенные дни, по своей скудости, очень походилъ на спартанскія *cissitii*, но въ этотъ день былъ приправленъ молдавскимъ виномъ и кусками битаго мяса. Притомъ, присутствіе генерала Шильдера много способствовало къ оживленію офицерской бесѣды. Начались тосты, а за ними и веселые куплеты, и все это за маперками молдавскаго вина. Вдругъ, въ концѣ обѣда, счастливая мысль блеснула въ головѣ генерала. Онъ приподнялся съ своего мѣста и громогласно предложилъ офицерамъ увеселительную прогулку по Дунаю. Всѣ приняли съ восторгомъ предложеніе своего начальника и тотчасъ же занялись приготовленіями. Начали съ того, что съ турецкой шебеки, находившейся у насъ въ услуженіи, сбили съ мачты полумѣсяцъ и на мѣсто его прикрѣпили крестъ. Потомъ приготовили другія лодки, разукрасивъ ихъ чѣмъ могли. Наконецъ вычистили орудія и вымыли лафеты, и все это было сдѣлано не болѣе какъ въ часъ времени. Предположено было кататься по Дунаю всѣмъ лодкамъ вмѣстѣ, съ музыкой и пѣсенниками, но на всякій случай, генералъ приказалъ частнымъ начальникамъ, чтобъ люди были въ готовности къ бою.

Въ 6 часовъ утра, отрядъ двинулся вверхъ по Дунаю, съ полковою музыкою и пѣсенниками. Турки, удивленные такою небывалою серенадою на водахъ древняго Истра, украдкою вынозли изъ-за своихъ уцѣлій на край берега, чтобъ насладиться барабанными звуками архангелогородскаго полка. Но экипажъ рущукской флотиліи вѣрно не принадлежалъ къ разряду меломановъ, потому-что ни одна изъ ея лодокъ не показала изъ-за своего убѣжища. Однако, отъѣхавъ версты за три отъ Бота и поравнявшись съ островами, передовыя наши лодки наткнулись на нѣсколько шебекъ непріятельскихъ. Тогда пѣсни и музыка замолкли; артиллеристы же, по условленному знаку, стали съ зажженными фитилями по своимъ мѣстамъ. Такимъ-образомъ группа гуляющихъ меломановъ разомъ превратилась въ грозныхъ воиновъ, готовыхъ, по первому призыву, летѣть въ огонь и воду, въ настоящемъ смыслѣ этихъ словъ.

И вотъ раздался первый залпъ съ нашихъ паромовъ, и ядра съ трескомъ застучали по турецкимъ шебекамъ. За нимъ взревѣлъ другой и третій залпъ. Турки оробѣли, полагая, вѣроятно, что нашимъ силамъ счета нѣтъ, когда мы такъ беззаботно и весело рѣшаемся атаковать ихъ вездѣ, гдѣ только можемъ провести наши лодки. Поэтому не удивительно, что отпоръ не соответствовалъ смѣлости патиска и успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе. Рущукская флотилія, едва-отвѣчавшая на наши выстрѣлы, съ шумомъ и съ криками стала трепать вверхъ по Дунаю.

Какъ-только отрядъ возвратился въ свой Гибралтаръ (такъ называлъ шута покойный генералъ Германъ ботовскія укрѣпленія), повал картина

представилась взорамъ изумленныхъ силистрійскихъ Турковъ. День уже догоралъ на западѣ; солнце садилось въ темныхъ тучахъ, а вечернія тѣни, скатываясь съ обрывистыхъ скалъ праваго берега, черными полосами ложились по Дунаю. Скоро и совсѣмъ стемнѣло. Вдругъ крестъ, освѣтившій ренегатку-шебеку, загорѣлся въ воздухъ яркимъ и разноцвѣтнымъ огнемъ. Его освѣтили артиллеристы фонарями, которые они успѣли сдѣлать на-скорую-руку изъ цвѣтной бумаги. «Ура!» раздалось на всѣхъ лодкахъ. Музыка заиграла народный гимнъ, и весь отрядъ, сивъ шапки, зацѣлъ вмѣстѣ съ пѣсепѣиками: «Боже, Царя храни!» Минута по истинѣ торжественная! И замѣтите, все это сдѣлалось безъ приказаній, само-собою.

О благополучномъ окончаніи предпріятія и о побѣдѣ, одержанной, такъ-сказать, *нечаянно*, надъ двумя турецкими флотиліями, генералъ Шильдеръ не замедлилъ донести корпусному командиру, графу Палену. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ онъ и представилъ проектъ о дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, посредствомъ которыхъ надѣялся достигнуть слѣдующихъ результатовъ:

1) Овладѣть большимъ островомъ, противъ Силистріи, гдѣ съ большою удобностію можно будетъ продолжать заготовленіе осадныхъ матеріаловъ, и

2) устроить баттарен на лѣвомъ берегу Дуная, противъ самой крѣпости, вооруживъ ихъ осадными орудіями.

Корпусный командиръ, имѣя въ виду, что продолженіе наступательныхъ дѣйствій ботовскаго отряда можетъ не только облегчить, но и ускорить предстоящую осаду Силистріи, охотно изъявлялъ согласіе на новое предпріятіе генерала Шильдера; но чтобъ болѣе обезпечить успѣхъ столь смѣлаго предпріятія, графъ приказалъ усилить ботовскій отрядъ 4-мя конными орудіями и частию пѣхоты.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого распоряженія, корпусный командиръ самъ отправился къ ботовскому отряду, чтобъ лично осмотрѣть его положеніе и средства, которыми владѣлъ онъ для дѣйствій на водѣ. Генералъ Шильдеръ выѣхалъ на встрѣчу къ своему начальнику. Первая лодка, которая попала въ глаза графу, была—ренегатка-шебека. Обоженная, подбитая въ кормѣ, съ кривою мачтою, которая едва держалась, она походила скорѣе на барку, вытасенную на берегъ для ломки, нежели на боевое судно. Возлѣ нея стояли три или четыре несчастные паромы, съ орудіями и ракетными станками, а въ-заключеніе нѣсколько лодокъ для застрѣльщиковъ. Когда графъ увѣрился, что вся морская сила ботовскаго отряда состояла только изъ этихъ паромовъ и шебеки, то онъ, обратясь къ генералу Шильдеру, сказалъ съ усмѣшкою:

— Да съ чѣмъ же вы хотите вступитъ въ бой съ флотиліями, въ виду самой крѣпости? Посмотрите, что у васъ есть! прибавилъ онъ, показывая съ улыбкою на шебеку:—*bonnet blanc et blanc bonnet*, и больше ничего.

— Но эта одна шебека, отвѣчалъ генералъ Шильдеръ съ почительностію, но также въ шутиливомъ тонѣ: — стоитъ цѣлой флотиліи; она чудесный талисманъ, врученный мнѣ поклонниками пророка на то, чтобъ я ихъ билъ во всякое время, безъ жалости и страха на волнахъ сѣдаго Истра.

Графъ улыбнулся.

Потомъ разговоръ принялъ оборотъ серьезный. Генераль Шильдеръ, увѣренный въ необходимости удержать до конца приобретенную его отрядомъ поверхность, просилъ у графа позволенія — дѣйствовать рѣшительно и вытѣснить Турковъ на всѣхъ пунктахъ. И дѣйствительно, каковъ бы ни былъ проектъ, представленный генераломъ Шильдеромъ, но если однажды онъ былъ одобренъ, то надлежало приводить его въ исполненіе съ снлаго и дѣятельностію. Особливо въ тогдашнихъ обстоятельствахъ опасно было ботовскому отряду дѣйствовать опіуно. Графъ склонился на эти убѣжденія, однако повторилъ генералу, чтобъ онъ никакъ не пренебрегалъ мѣрами осторожности, которыя на войнѣ никогда не лишнія. Потомъ, поблагодаривъ людей за службу и усердіе, за мужество въ битвахъ и за терпѣніе въ трудахъ, графъ простился съ отрядомъ и отправился въ Капарашъ.

Какъ-только корпусный командиръ уѣхалъ, генераль Шильдеръ подвинулъ свой отрядъ на двѣ версты вперёдъ по берегу Дуная, и тамъ устроилъ новую батарею, оставивъ однако за собою укрѣпленія при рѣкѣ Ботъ. Главная цѣль заложения этой батареи состояла въ томъ, чтобъ, подъ прикрытіемъ ея огня, сперва обезпечить переходы черезъ береговые глубокіе проливы къ тому мѣсту лѣваго берега, которое находится противъ большаго силестрійскаго острова, а потомъ вдругъ перейти со всемъ отрядомъ на этотъ островъ и тамъ немедленно укрѣпиться. После удачнаго исполненія этого предположенія, занятіе остальной части лѣваго берега Дуная противъ самой крѣпости становилось не только вѣроятнымъ, но почти и несомнѣннымъ.

Противъ новой батареи лежалъ небольшой островъ, на оконечности котораго Турки легко могли устроить батарею и обстрѣливать съ нея нашъ берегъ на большое пространство. Надобно было обнаружить намѣренія Турковъ относительно этого острова, и, по возможности, воспрепятствовать имъ на немъ укрѣпиться. Для этого, генераль Шильдеръ рѣшился сдѣлать усиленную рекогносцировку всему острову. Капитанъ Гринвичъ (вологодскаго пѣхотнаго полка), находившійся съ своими стрѣлками неотлучно при генералѣ, самъ вызвался привести въ дѣйствіе это намѣреніе, и тотчасъ же отчалилъ съ застрѣльщиками отъ берега. Вышедши на берегъ острова, онъ смѣло сталъ полагаться во внутренность его, но не прошелъ и пол-версты, какъ наткнулся на Турковъ, которые нанали на него съ остревеніемъ. Въ этомъ случаѣ капитану ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ ретироваться. Отстрѣливаясь на каждомъ шагѣ, онъ сталъ отступать въ порядкѣ, и едва достигъ берега, какъ его застрѣльщики бросились въ лодки и живо отчалили отъ острова. Между-тѣмъ, наша флотилія открыла орудійный огонь, но это не помышало непріятельскимъ артиллеристамъ выдвинуть нѣсколько орудій на оконечность острова и въ свою очередь открыть съ нихъ огонь по нашимъ судамъ, которыя тотчасъ же и отступили къ лѣвому берегу. Тогда явилась на сцену «пущка-карнаушка», а вмѣстѣ съ нею и капитанъ Заматаевъ. Пушечный огонь загорѣлся на нашемъ берегу съ такою силою, что Турки скоро принуждены были совсѣмъ умолкнуть и даже свезти свои орудія во внутренность острова.

На другой день послѣ рекогносцировки острова, генераль Шильдеръ,

сдавѣ команду старшему по немѣ штаб-офицеру, отправился, по требованію корпуснаго командира, на короткое время въ Каларашъ. Тамъ, обозрѣвая островъ въ зрительную трубу, замѣтилъ онъ на немъ необыкновенное движеніе Турковъ. Видно было явственно, что они устроивали баттарю на оконечности острова. Вскорѣ послѣ этого раздались и пушечные выстрѣлы, съ острова и съ лѣваго берега. Между-тѣмъ, въ глазахъ генерала поднялась и силестрійская флотилія, которая, на парусахъ, по попутному вѣтру, стрѣлою понеслась на помощь острову. Все это до того его встревожило, что онъ тотчасъ же бросился къ графу Палену и, не просивъ у него позволеніе, полетѣлъ изъ Калараша на курьерскихъ.

Пересѣхавъ на каючкѣ послѣднюю рѣчку близъ ботовскихъ укрѣпленій, генералъ Шильдеръ нашелъ своей отрядъ въ самомъ жалкомъ состояніи: суда и лодки были уже втнuty въ рѣку Ботъ и, прижавшись къ берегу, стояли, бѣдняжки, пригорюнясь въ бездѣйствіи; иѣхотинцы же, вмѣстѣ съ артиллеристамъ, засѣли въ укрѣпленія, подпустивъ къ себѣ Турковъ на самое близкое разстояніе и дозволивъ десантнымъ ихъ войскамъ овладѣть всѣми мѣстами на лѣвомъ берегу, который достались намъ послѣ такихъ усилій и опасностей. Надобно замѣтить, что ботовскій отрядъ могъ казаться грознымъ непріятелю только до-тѣхъ-поръ, пока держалъ его отъ себя въ линіи орудійнаго огня; но однажды допустивъ отчаянныхъ басурманъ къ своимъ укрѣпленіямъ, должно было схватиться съ ними въ рукопашную, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, нашъ слабѣйшій числомъ штыковъ отрядъ, терялъ все свое превосходство. Къ довершенію удара, генералъ вскорѣ замѣтилъ непріятельскую шалуу, причалившую къ небольшому острову, лежавшему прямо противъ ботовскихъ укрѣпленій. На этомъ островѣ еще при началѣ дѣйствій на Дунаѣ, поставлено было одно осадное орудіе подъ прикрытіемъ эполемента, которое обстрѣливало Дунай по срединѣ его теченія и которое, по недосмотру, оставлено было безъ надлежащаго прикрытія. Турки съ остервененіемъ бросились на это орудіе и тотчасъ же его заклапали.

Я слышалъ, что внезапное появленіе генерала Шильдера было для отряда самымъ торжественнымъ праздникомъ. Тогда взоры всѣхъ обратились къ нему съ восторгомъ, надеждою и искреннею преданностію. Мы говорили также, что онъ взлетѣлъ не въ баттарю, но на брустверъ баттарей, и въ эту минуту рѣшительно походилъ на любого героя баснословной Греціи: такъ онъ былъ грозенъ и величественъ. Непріятельскія ядра и гранаты свистали надъ его головою, но онъ, предавшись весь одной мысли — спасти отрядъ, а съ нимъ вмѣстѣ и честь русскаго оружія, не думалъ объ угрожавшей ему опасности.

Поздоровавшись съ солдатами, генералъ скомандовалъ во весь голосъ: «Ребята, съ Богомъ опять впередъ! Стрѣлки по камышамъ; флотилія на «воду, прямо на турецкую; конная артиллерія (*) впередъ вслѣдъ за стрѣлками».

Все закипѣло, все оживо, и черезъ минуту отрядъ дружно бросился на встрѣчу изумленнымъ Туркамъ, которые не вѣрили глазамъ своимъ, видя

(*) 4 орудія, подъ командою поручика Ротмистрова.

это рѣшительное и внезапное наступленіе съ нашей стороны. Поручикъ Ротмистровъ первый открылъ дѣйствіе. Онъ подскакавъ съ своими легкоконными орудіями на ближайшій картечный выстрѣлъ отъ непріятельской цѣпи и открылъ огонь съ одного извода по войскамъ десантнымъ, а съ другаго по флотиліи. Выдержавъ залпа три, эта послѣдняя стремительно бросилась отъ берега, едва отстрѣливаясь изъ своихъ неуклюжихъ пушеченокъ. Отступленіе флотиліи распространило смятеніе и между войсками десантными, которыя нѣмного боялись быть отрезанными отъ берега. Однако они еще отстрѣливались нѣкоторое время упорно, но вскорѣ, тѣснимыя застрѣльщиками архангелогородскаго полка и поражаемыя картечью изъ конныхъ орудій, стали приходить въ разстройство и подаваться мало-по-малу къ берегу. Тутъ подоспѣла и наша ботовская флотилія, которая тотчасъ же стала дѣйствовать въ согласіи съ батареями, расположенными на берегу. Вскорѣ послѣ этого десантныя войска совсѣмъ разстроились, ударились въ бѣгство и, достигнувъ берега, съ величайшею поспѣшностію и въ смертельномъ страхѣ ринулись въ стоявшія тамъ лодки. Смятеніе ихъ, по словамъ очевидцевъ, въ это время доходило до безумія. Многіе, не успѣвъ вскочить въ лодки, бросали въ волны свое оружіе и вѣдѣ за нимъ сами кидались въ сердитый Дунай. Другіе стрѣляли изъ пистолетовъ по своимъ единовѣрцамъ, когда они, не внимая отчаяннымъ ихъ крикамъ, отчаливали отъ берега. Наконецъ были и такіе, которые, не успѣвъ вскочить въ лодку, обращались назадъ и, какъ сумасшедшіе, кидались подѣ картечные выстрѣлы нашихъ орудій. Словомъ, всякій спасался, какъ могъ, не заботясь о другихъ: нѣкоторые лодки отчаливали отъ берега съ тремя или четырьмя пассажирами, тогда какъ каждая изъ нихъ могла поднять до двухъ десятковъ науганныхъ чамоносцевъ. Флотилія наша преслѣдовала бѣгущихъ до-тѣхъ-поръ, пока они не пропали у нея изъ вида, укрывшись за острова, поросшіе густымъ кустарникомъ.

Осмотрѣвшись и отдохнувъ послѣ такого труднаго и блистательнаго подвига, отрядъ снова явился съ торжествомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ его наканунѣ генералъ Шильдеръ. На другой день, двинувшись далѣе по берегу, онъ встрѣтилъ на пути своемъ большія затрудненія въ переходахъ черезъ проливы, которые нарочно для этого заваливали фашинами. Случалось даже переходить впады нѣкоторые изъ проливовъ, потому-что не было никакой возможности завалить ихъ фашинами отъ сильнаго возвышенія воды въ Дунай. Пока наши герои боролись съ препятствіями, которыя представляла имъ сама природа на каждомъ шагѣ, вдругъ раздалась тревога по отряду.

— Спасайте, спасайте! кричали солдаты:—нашъ корабль погибаетъ!

И дѣйствительно, канатъ, которымъ тащили реику-шебеку, оборвался, и быстрое теченіе Дуная прямо понесло ее къ турецкой флотиліи. Не было надежды, чтобъ она могла остановиться на якорѣ, потому-что еще въ прежнихъ дѣлахъ она потеряла свой большой якорь, а запасный былъ такъ малъ и на такомъ топкомъ канатѣ, что на немъ невозможно было остановиться посреди рѣки. Генералъ Шильдеръ былъ верхомъ, когда замѣтилъ несчастіе шебеки. Онъ далъ шпоры своему коню и бросился съ нимъ въ рѣку, подзывая къ себѣ паромы съ орудіями и лодки

съ стрѣлками, которые тотчасъ же и поплыли къ берегу, чтобъ спасти своего генерала. Въ эту минуту общаго смятенія, шебека, приблизившись къ непріятелямъ на пушечный выстрѣлъ, вдругъ открыла по нимъ усиленный огонь изъ своихъ орудій. Турки, слыша отчаянные крики людей всего отряда и притомъ видя быстрое движеніе шебеки, приняли все это за рѣшительный съ нашей стороны натискъ, и тотчасъ же ударились въ бѣгство. Генераль Шильдеръ, желая не разувѣрять Турковъ въ ихъ заблужденіи, приказалъ вслѣдъ за шебекою пуститься паромамъ съ орудіями, подъ прикрытіемъ малыхъ лодокъ съ стрѣлками; но эти послѣдніе не могли уже догнать бѣгущаго на всѣхъ парусахъ непріятеля, и помогли только шебекѣ возвратиться къ отряду, который привѣтствовалъ ея возвращеніе радостными криками «ура»!

Надобно было немедленно воспользоваться счастливою развязкою этого печальнаго и такъ-сказать невольнаго наступательнаго движенія, которое открывало отряду прямой путь къ его цѣли, то-есть, къ занятію завѣтнаго острова, лежащаго противъ Силистріи. Поэтому генераль Шильдеръ тотчасъ же и двинулъ весь отрядъ впередъ. Когда же наступилъ вечеръ, люди съли на лодки и, безъ затрудненій, переправившись на пустынный, поросшій бурьяномъ островъ, укрѣпивъ па-скорую-руку и кое-какъ сѣверную его сторону. Нечего и говорить, что отрядъ на островѣ расположился такимъ образомъ, что его нельзя было замѣтить съ крѣпостнаго вала Силистріи.

Послѣ занятія острова, оставалось отряду совершить еще одинъ подвигъ, чудесный и блистательный, о которомъ давно уже размышлялъ генераль Шильдеръ. Пока Турки не пришли еще въ себя, надобно было поспѣшить занятіемъ лѣваго берега Дуная противъ Силистріи и тѣмъ открыть прямое сообщеніе съ Каларашемъ. Для этого генераль вознамѣрился переправить часть войскъ съ острова на берегъ, а пѣонерамъ приказалъ устроить на вдавшемся въ рѣку берегу, противъ острова и крѣпости, батарею, для которой заложить сначала траншею, чтобъ прикрыть людей отъ выстрѣловъ съ флотиліи. Я забылъ сказать, что и со стороны Калараша, противъ сѣверной оконечности крѣпости, также устраивались батареи, которыя много способствовали къ занятію лѣваго берега Дуная противъ Силистріи.

Конныя орудія, подъ командою поручика Ротмистрова, первыя открыли дорогу отряду генерала Шильдера для занятія означеннаго лѣваго берега. Этотъ артиллерійскій офицеръ самъ вызвался сбить небольшія толпы Турковъ съ берега, и потомъ засѣсть съ своими орудіями въ укрѣпленія, которыя были еще устроены нашими войсками въ прошедшемъ году и представляли довольно-удобную защиту отъ крѣпостныхъ выстрѣловъ. Чудный и изумительный маневръ представилъ этотъ конно-артиллерійскій дивизіонъ не только для насъ, но и для Турковъ! По командѣ: «маршъ-маршъ!» онъ ринулся стрѣлою справа въ одно орудіе, среди бѣлаго дня и подъ выстрѣлами не только всей флотиліи, но и крѣпостныхъ верковъ, обращенныхъ къ Дунаю. Первое орудіе, подскакавъ къ полуразвалившимся уже укрѣпленіямъ, мигомъ повернуло налѣво, прислуга бросилась на землю, орудіе слетѣло съ передка, и выстрѣлъ раздался; потомъ другія орудія, одно за другимъ, подскакали къ первому и открыли огонь изъ-за об-

валившихся брустверовъ, то картечью по Туркамъ, которые въ ужасѣ бѣжали съ берега, то ядрами по флотиліи, которая пряталась подъ выстрѣлы своихъ крѣпостныхъ верковъ. Все это дѣлалось такъ живо и такъ стройно, что пѣхотинцы и казаки, смотря на великолѣпную скачку конно-артиллеристовъ, невольно привѣтствовали ихъ громкимъ «ура»! Какая чудесная награда, эта хвала солдатской правды, которую храбрый поручикъ Ротмистровъ вырвалъ, такъ-сказать, насильно у своихъ сослуживцевъ! Я увѣренъ, что эта минута была самою лучшею минутою въ его жизни...

Блистательный подвигъ четырехъ конныхъ орудій, очистивъ совершенно лѣвый берегъ Дуная противъ крѣпости, вмѣстѣ съ тѣмъ достойно заключилъ и славныя дѣйствія отряда генерала Шильдера на Дунаѣ. Полуразвалившіяся укрѣпленія на берегу противъ крѣпости, которыя, какъ я уже сказалъ, еще въ прошедшемъ году были устроены нашими войсками, въ тотъ же день исправили и вооружили осадными орудіями, назначивъ къ нимъ особое прикрытіе изъ Калараша; большой же острогъ противъ крѣпости заняли два батальона пѣхоты, также присланные изъ Калараша съ тою цѣлію, чтобъ заготовить на этомъ островѣ матеріалы для готовившейся осады. Что же касается до ботовскаго отряда, то онъ, послѣ очищенія и укрѣпленія лѣваго берега, сложилъ ружья въ пирамиды и отдыхалъ на лаврахъ до того славнаго дня, въ который громкіе выстрѣлы на правомъ берегу Дуная, принесли ему по вѣтру радостную вѣсть, что главнокомандующій подступаетъ уже къ стѣнамъ Силистріи. Тогда флотилія перевезла отрядъ на правый берегъ, гдѣ поджидалъ его атаманъ Сысоевъ, тотъ самый, который, за нѣсколько недель тому назадъ, поджидалъ прибытіе плашкотовъ на лѣвомъ берегу Дуная.

Генералъ Шильдеръ, ступивъ на берегъ, простился съ отрядомъ. Солдаты долго смотрѣли на дорогу, по которой онъ поѣхалъ въ главную квартиру. Увѣряю васъ честію армейскаго офицера, что они любили его, какъ отца роднаго.

П. ГЛѢБОВЪ.

